

Смотрова Дарья

Катарсис

Дарья Смотровая

Катарсис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69656887

SelfPub; 2023

Аннотация

Великая Отечественная война. Советский солдат Александр Нельский отправляется на фронт, попутно размышляя о своей жизни, любви и судьбе своей страны. Сможет ли он не упасть духом несмотря на все трудности, которые его ожидают?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Дарья Смотровая

Катарсис

Глава 1

Всю ночь бушевала метель, из-за чего наш дом со всех сторон завалило снегом. Дом хоть и был съемным жилищем, однако же успел стать почти родным. Эти зеленые занавески на окнах, горшки с растениями, дубовый стол и абсолютно не подходящие к нему, купленные за небольшую цену табуретки. Все это дом.

Мой дом. Осторожно встав с постели, чтобы не разбудить Нину, которая и так всю ночь не могла уснуть, я подошел к окну. Светало. На небе еще можно было разглядеть далекие звезды, звезды, на которых, возможно, сейчас намного спокойнее, чем здесь – на Земле... Даже не возможно, а точно – намного спокойнее.

На небе не было ни облачка, одно сплошное серо-голубое пространство, и начинавшее восходить на небосвод солнце. Я задержал свой взгляд на мгновение на нем, и оно ненадолго ослепило меня. Я поморгал, чтобы скорее восстановить зрение, но так и остался стоять около окна, выглядывая в заснеженный двор, чтобы хоть как-то отвлечься от того, что мне в скором времени предстояло сделать. Об этом жутко не хотелось задумываться, да я этого и не делал в последние дни. Просто плыл по течению, как ветка, брошенная кем-то

в ручей. Мне казалось, что судьба сама выведет меня к нужному решению, сама выберет за меня траекторию моего жизненного пути, поэтому и не нужно думать о том, о чем больно думать. Все эти мысли, связанные с болью, люди обычно стараются задвинуть глубоко-глубоко в себя, в свое подсознание, потому что правда об их жизни заставляет принимать решения и брать ответственность на себя. Но некоторых эта самая правда может просто сломать и заставить долго заливать свои раны в какой-нибудь далекой и спокойной норе, где никто не будет тебя трогать.

Во двор смотреть очень быстро надоело, и я сел за стол. Сегодня восемнадцатое января... Завтра день рождения Алексея, моего веселого и доброго друга. Но на него уже как год пришла похоронка... Такой маленький треугольник бумаги, с фразой: «погиб». А сегодня и я отправляюсь на фронт... Казалось бы, я уже давно осознал этот факт, свыкся с мыслью о скором отправлении на передовую, у меня даже было время подготовиться к этому, но все равно какая-то моя часть еще робко надеялась на то, что на фронт меня не отправят, что мне снова поручат подготовить бумажную документацию по новому проекту на заводе, где я трудился, и что я буду помогать своим товарищам, работая в тылу. Это на линии фронта опасно, а за линией все же не так. По крайней мере, мне так кажется.

Я обернулся. Нина спала. Она была так красива во сне, ее нежные губы, белокурые волосы, небольшой румянец на

щеках, и я должен буду покинуть это чудо... и, возможно, покинуть навсегда. Не стоит тешить себя мыслями о скором возвращении, когда тактика боя знакома тебе, по большому счету, лишь в теории и когда весь твой потенциал в твоём интеллекте, но не в силе. Интеллект, конечно, может помочь в бою, но все зависит от конкретных обстоятельств. Возможно, во времена учебы мне нужно было больше концентрироваться на уроках стрельбы, чем на уроках иностранного языка.

Но это жизнь и все в ней относительно, а мне остается надеяться на лучшее. Только какое оно – это лучшее? И лучшее для кого?

От моих размышлений меня оторвал настойчивый стук в дверь, и я невольно вздрогнул. Немецкие солдаты были далеко от нашего городка, но в войну ты всегда находишься настороже. Да и вообще я привык жить, постоянно оглядываясь. Работа обязывала.

– Здравствуйте, товарищ Нельский. Готовы?

– Доброе утро! Простите, а вы кто?

– Извините, не представился. Лейтенант Римаков Дмитрий Павлович. Прибыл сюда по настоянию руководства, так сказать. Буду сопровождать вас, а также группу отбывающих до вокзала и далее в Нерчинск. Вас должны были предупредить, и очень странно слышать, что этого до сих пор не было сделано.

– Согласен, что это очень странно. Меня не уведомили

об этом ни служба внутренних дел, ни военкомат... Зачем сопровождать? Чем вызвано недоверие?

– Вы же помните наверняка, что в прошлом, во времена вашей основной работы, вы проходили свидетелем по делу о государственной измене. Дело было благополучно завершено, а вам сейчас выпала честь защитить наше государство, нашу Родину, наше наследие.

– Честь? Мне кажется, Дмитрий Павлович, что слово «честь» не слишком уместно, учитывая всю ситуацию. Во-первых, то самое дело, о котором вы сейчас упомянули, никакого, по сути, отношения ко мне не имеет. Я, как вы правильно сказали, проходил по нему свидетелем, а все виновные лица в итоге получили наказание за содеянное. За мной наблюдение не устанавливали, да и никаких дополнительных санкций в отношении меня не вводили. А во-вторых, вы предполагаете, что я, идя на смерть, должен думать о тех, кто спокойно греет свои... кто сидит на местах вдали от фронта и может лишь давать указания, что мне делать, а что нет? Позвольте лейтенант, попросить вас уйти, иначе я не ручаюсь за свои дальнейшие действия. Будьте уверены, на поезд я сяду и доеду туда, куда нужно, но если я увижу вас еще раз рядом с собой, боюсь, как бы вам не потребовалось все ваше псевдокоммунистическое мужество!

– Вы забываетесь, товарищ Нельский. Я всего лишь выполняю приказ.

– Нет. Это мой дом, и я еще раз настоятельно прошу вас

удалиться. Все ваши приказы можем обсудить по дороге в Нерчинск или уже в нем самом. Надеюсь на понимание.

– Увидимся на вокзале, товарищ Нельский.

– Увидимся. До свиданья.

Черт! Я захлопнул дверь и накинул задвижку. В сенях было чертовски холодно, а этот лейтенантишка задержал меня тут на целых пять минут своим непонятным разговором. Римаков... Откуда я помню эту фамилию? Точно! Лешка мне про него рассказывал. Гад еще тот. За должность или звание родную мать продаст. И почему меня так необходимо сопровождать? Та история давно уже канула в лету, что за чертовщина происходит? Кому я внезапно мог перейти дорогу, что все старые скелеты начали вытаскивать из шкафов?

– Саша, ты не ушел? – услышал я голос Нины.

– Я пока еще дома. Тут один фанфарон приходил, меня сопровождать надумал, а то боится сбегу, или, того хуже, с тобой дома останусь. Странная история все же...

– Ты все шутишь?

– Ах, если бы, Нина... Ты же знаешь, что надо ехать. Я не могу остаться. Много людей погибло, а кто знает, сколько еще будет смертей. Ты же знаешь, что в Рамольном чертовы фашисты устроили, а не дай Бог до нашего города доберутся? Нет, Нина! Я должен! Я должен ехать!

– А если ...

– Вернусь. Может быть, вернусь...

Я прижал ее к себе и невольно чувствовал, как бьется ее

сердце. Оно билось очень быстро, отрывисто. Может быть, моему сердцу осталось биться всего день... День, и оно остынет, перестанет стучать, перестанет любить, перестанет страдать, перестанет чувствовать... И я, лежа на чужой земле, буду смотреть стеклянными холодными глазами в небо... Надо запомнить небо... Надо помнить этот голубой цвет.

– Саша... уже восемь часов.

Пора. Я быстро покидал вещи в свой «чемодан», как я в шутку называл свой вещевой мешок, зеленый, весь в заплатках, но такой родной... Почти как этот дом. В болезни, как говорят, и домашние стены лечат, а в бою и родная вещичка помогает. Это как у наших былинных героев, у богатырей. Ну, помните эти истории с частицей родной земли? Вот и про вещмешок можно то же самое сказать: посмотришь на эту дурацкую зеленую, кое-где рваную и наскоро зашитую тряпицу, и сразу о доме вспомнишь, о родителях, жене, детях, если есть они, конечно. И на душе хоть какая-то отрада появляется... Ведь знаешь, пока ты тут спину рвешь, в окопах по колено в воде ходишь, клопам да вшам пищей служишь, то там, в селе, деревне или в городке, твой-то в доме, в тепле, яacobинцев этих не видят, запаха крови и гниющих тел не чувствуют... Но когда новости приходят, захватили, дескать, твою родную деревеньку, вот тут прямо и в гроб живым ложись. И ненависть, ненависть так и лезет в душу, и какая радость, какая любовь... одно чувство, одно желание: *убить!* И идешь, и убиваешь.

А по ночам места себе не находишь, во сне кричишь, вроде и гада убил, того, кто на нашу, кто на твою землю поку-сился, того, который детей твоих же на тот свет отправил, а все равно не можешь заснуть, все лицо его мерещится, голос его: «Пожалуйста, пожалуйста, не надо!». И глаза такие жалостливые, жалостливые, и не подумаешь, что он час назад детей и женщин угарным газом травил, на «помывке» всем заведовал и кричал: «Хайль, Гитлер!». Не он ли это с таким упоением кричал, не он ли перекрикивал в рупор сотни дру-гих голосов? Голосов, которые замолчали уже очень скоро, задохнувшись?

Сотни детей, женщин, стариков... И жалеть его? За что? За то, что он звание обещает или проживание в Германии на гитлеровское пособие? Разменявшись на что, оставить его в живых? На золото? Ни за что русский человек на это не пой-дет. Убьет врага, сам погибнет, если надо, а в измене Родине, в предательстве замечен не будет. А предателя ждет такая же смерть, как и фашиста, пусть и говорить будет на родном на советском, на русском, а нельзя и ему никаких поблажек делать, ведь это он людей сгубил, все село умертвил, в лапы к немцам так и подвел партизанский отряд, а за ними и всех остальных... И его потом отпустить? Бог всем и всему судья, но будь моя воля...

– Саша! У тебя взгляд такой... С тобой все хорошо?

– Да, все нормально. Пойдем.

Спрашивает меня, а сама дрожит, как осиновый лист... И

ведь знает все про меня, а все равно не уходит. Знает, какая боль у меня на душе, что мне пережить пришлось и за годы службы в миру, и за годы войны, и про трагедию мою личную знает. Но все равно из-за меня жизнью рисковала, и рискует, и в Сибирь, говорит, пойду за тебя, если надо, и на фронт пойду – ты только скажи.

Не скажу, Ниночка, никогда. Живи уж лучше здесь пока в относительном мире и относительном спокойствии. Даст Бог, ни пехота немецкая не дойдет, ни бомбежка не потревожит... Боюсь я, что не выдержишь ты этой кровавой бойни, не знаешь ты, что это такое, когда вокруг тебя головы оторванные лежат... И бежишь, и – вперед!!, и – ура!, а под сапогом череп так: хрусть!, а ты не слышишь, глаза кровью налиты, и – вперед!!, и – ура!, и еще один звук: хрусть!, только не череп, а солдат лежит, живой еще и так на тебя смотрит: маменьке, маменьке напишите, где погиб то... и голову опускает на землю... А вспомнит эта земля тебя лет через пятьдесят? Умрешь, сгниешь и памяти не оставишь. А ведь идешь, и – вперед, и – ура!

– Саша! Я, наверное, не пойду... провожать не пойду... тебя... Нехорошо мне что-то.

И заплакала... Горько и безудержно заплакала. И сколько женских, и не только, слез еще будет из-за этой проклятой войны пролито... Отправить ее, что ли, куда-нибудь? На Дальний Восток... Эх, немцы, может быть, и не дойдут, но бомбардировщики и там достанут. Да и к кому в те края-то?

У меня ни родных, ни знакомых там нет.

– Нина, послушай, а у тебя родственники живы?

Она с недоумением смотрела на меня. Ее серые глаза блеснули от слез. Нина смотрела так глубоко в душу, до таких потаенных уголков моего сердца она могла заглянуть... Такой взгляд я видел у одной девушки еще до войны. Взгляд, который заставлял мое сердце биться чаще и сильнее. А теперь и война, и зима, и смерть... Время зелени прошло – настало время холода и хаоса.

– Ты же знаешь... В лагере... Были в лагере.

– Я не о них. Дальние родственники есть?

– Саша, я не понимаю... Ты меня из дома выгоняешь? Что происходит вообще? Это из-за того, что я тебя не могу проводить на вокзал?

– Нина, нельзя одной здесь жить! Если есть хоть какие-то дальние родственники подальше отсюда, то поезжай к ним. Ведь вместе легче всегда.

Нина глубоко вздохнула и отвернулась от меня к окну.

– Нина. Я что, не прав? Что такое?

– То есть вместе легче, да? Значит, мы всего лишь – *вместе*?

– Я не понимаю...

– Мы всего лишь вместе, потому что тебе так легче? Легче *ее* забыть?

– Нина! Что ты такое говоришь! Я совсем не это имел в виду.

– Понятно... Хорошо, я уеду, как только будет возможность. Вещи твои кому передать? Ей-то они явно не нужны. Знаешь, ты вот мне только ответь и, по возможности, правду, как знать, может быть, до конца войны и не доживем. Ты меня вообще любишь?

Я не знаю, Нина... Не знаю... Любить... А что такое любовь? И о какой конкретно ты ведешь речь? Их же по Аристотелю аж целых шесть видов... Да как любить то, когда Аню, скорее всего, эти сволочи... Экспериментаторы, мать их...

Скажу да – ведь надеждой всю войну проживет. А если убьют, тогда как? Ведь не выдержит... А без вести пропаду, ведь будет искать, жизнь свою на это положит и до последнего своего вздоха. Скажу нет – сейчас будет мучиться, но, если треугольник бумажный придет, легче перенесет, а может и с радостью вздохнет. Она же все простить сможет, только люби...

– Нет.

Я пошел в сени, накинул телогрейку, схватил в руки вещмешок и вышел на улицу.

День как-то сразу перестал быть солнечным. Небо уже стало грязно-серым, все заволокли облака, которые вообще не плыли по небу, а стояли на месте, как будто им по природе и не суждено двигаться, а быть лишь вкрапленными в это воздушное пространство над нашими головами. Даже и солнца не было видно. Где оно бродит? В Америке? Вот Нину бы

туда отправить... Ни бомбежек тебе, ни лагерей смерти, ни постоянного труда в тылу...

А ветер так и сметает все со своего пути... Но почему облака на месте стоят? Что их там, на этом самом небе, держит? Я сильнее запахнул куртку: все-таки на улице не май. До вокзала оставалось идти пять минут.

Мыслей не было, но на сердце было так тяжело, так больно... Наверное, люблю. Опять это – *наверно*... И война эта у нас, *наверно*, скоро закончится, и Аня, *наверно*, жива, и в Крапольск немцы, *наверно*, не войдут, и бомбежек, *наверно*, больше не будет... И жизнь, *наверно*, нормальная начнется. Вот только когда? И сколько степени вероятности в слове *наверно*? Десять, двадцать процентов? А вот фраза: я, *наверно*, до окончания войны не доживу, долю вероятности namного большую имеет.

И думаешь, идя по этой снежной дороге, что снег не наш, не белоснежный, не советский, а какой-то грязный, фальшивый, как будто фашисты свои порядки не только в стране навели, но и на природу подействовали. Народ у них новый будет, и природа для такого народа должна быть особенная. С бурым оттенком. Кровь скоро из-под земли выступать будет, стоит только чуть ногой надавить... А им же так и надо. Они упиваются, что ли, видом крови, видом оторванных рук, ног, голов, видом обожженных тел, отрезанных пальцев, видом дистрофиков? Выводят новый вид человека... Да они сами *новый вид*... В музее заспиртованными показывать надо. И

таблички на их тела упитанные пованешать...

Какие мысли ужасные меня захватили. Что-то я больно жестоким стал... Нельзя так. Фашисты фашистами, а нельзя. Иначе получается, что я их не лучше. Подумал, но не сделал. А подумал – это уже полдела. Вон Гитлер подумал... В солдатиков в детстве, *наверно*, не наигрался, сейчас доигрывает, только во сколько эти солдатики обходятся и сколько солдатиков этих уже полегло... Это не игра, фюрер, это жизнь.

А какое ему, собственно, дело, он же *необыкновенный*... Или считает себя таким...

«Тварь ли я дрожащая или право имею...»¹ – рассуждал Раскольников, объясняя Соне, почему он убил старуху-процентщицу. И Гитлер ведь и думает, что имеет. А за какие такие заслуги? Что под мостом всю молодость проночевал или за то, что в архитектурный не поступил? Из-за этого что ли право имеешь, фюрер?

Право убивать?! Нет, не просто убивать, а право уничтожать. До последнего русского, еврея, цыгана... До последней капли нашей крови... «Арийская раса будет править миром! Очистим Землю от неверных!» Право он имеет... Тебя бы и очистить...

Меня лихорадило. После ночного кошмара, после утреннего мороза, после несбывшейся мечты, после ожидания смерти, после разрыва с единственным человеком, который

¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 30.

меня любил и которого, *возможно*, люблю и я... В голове отдавался каждый звук, каждая снежинка обжигала мое лицо. Мои ресницы были в инее, я даже не пытался стряхнуть с них снег, не пытался застегнуть куртку, мне было жарко... Жар сердца... Дар сердца...

Внутри все горело. Казалось, что по моим сосудам течет не кровь, а кислота, которая выжигает все, выжигает все чувства, оставляя лишь боль. Невыносимую, ужасающую боль. Не в сердце – нет. Эта боль везде. И особенно она сильна, когда ложишься спать, и ночью в голове прокручиваешь все возможные варианты событий, и так становится страшно от того, что ты умрешь, не сейчас – нет, но быть может завтра, да так и не испытаешь той любви, о которой в книгах пишут, о которой фильмы снимают. Ради чего жить? Ради детей? Справедливо, но для меня неверно. Для любви надо жить. Не отталкивать ее от себя, если уж полюбил. Пусть кажется, что весь мир против, что не поймут, не примут, осмеют, но какое дело до глупых человеческих предрассудков, когда любовь вот она, протяни руку и возьми... Я оттолкнул.

Почему? Хочу, как лучше. Но знаю, что не будет лучше. Все будет только хуже и хуже, по крайней мере, для меня. Я не выдержу этой гонки, не выдержу этой борьбы за счастье, не смогу выстоять до конца... Семь лет не могу остановиться. Семь мучительных лет, когда не спишь по ночам, иногда и всхлипываешь, и думаешь, думаешь, думаешь, все время думаешь, пока организм окончательно не устанет и не

отключится от мира. И сам себя терзаешь... А вот если бы я тогда сделал так, то... Да не изменилось бы ничего. Так бы и жил, может быть, с еще большей болью на сердце. Пусть я делал что-то неправильно, но так было нужно. Лучше буду жалеть о содеянном, чем о несделанном, пусть буду рвать на себе волосы, пусть я разочаруюсь, но я сделаю то, что мне кажется правильным и справедливым. Ведь так просто сказать слова любви. Но такие запреты со всех сторон, что шаг в сторону – и все, облава, и беги на край света со своей любовью. Вот я и бегу. Семь лет. Два из которых война преследует.

И ведь, вот кажется, война, ведь она должна захватить все мои мысли, унести их в эту чертовски хаотичную даль, но нет... Или я такой ненормальный, или жизнь такая сейчас... В бою только забываю о том, что надобно любить. Надобно жить. Надобно верить. Прости Болконский, но какого черта ты тогда умер, произнеся эти слова?² Почему не боролся, почему спокойно дал смерти сожрать тебя? А ведь и я мог бы сейчас руки опустить и сказать себе о том, что жизнь кончена, мне уже тридцать и никаких надежд на светлое будущее... Сложить лапки и умереть. Но я борюсь! Я пытаюсь, по крайней мере, бороться.

Но вот с другой стороны – зачем? Зачем мне это все нужно? Кому нужна эта борьба, каков ее конечный результат?

² См.: Толстой Л.Н. Война и мир. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3, 4. М.: Лексика, 1996.

Разве я через борьбу обрету свое счастье, свой мир в душе? Разве эта самая борьба не забирает у меня остатки и без того не очень больших сил? Но, видимо, я знаю, зачем я участвую в этой нескончаемой борьбе: я просто эгоист, я самовлюбленный эгоист! Я жизнь люблю во всяком ее проявлении, даже с жизнью покончить не могу, потому как в моей голове не укладывается мысль, что после этого я перестану существовать. Как можно хотеть умереть, зная, что весь этот мир останется жить и без тебя? И как можно хотеть умереть сейчас? Особенно после пережитого, когда практически уже ничего не боишься, когда в глубине души понимаешь и принимаешь тот факт, что можешь преодолеть практически любое препятствие, что помешать в этом деле могут только проблемы со здоровьем, но у меня их серьезных, тьфу-тьфу, пока что нет. В общем, я, похоже, лицемер. Я люблю, когда меня жалеют.

А еще я всегда любви хотел, причем любви безусловной, но не от мамы – нет, от иной женщины. Такой вот любви, чтобы крышу напрочь сносило, чтобы электрические заряды между мной и ею в воздухе чувствовались, чтобы обнимать ее при каждом удобном и не очень случае, чтобы говорить ей, как я ее люблю и как она для меня дорога... Я нашел такую женщину, влюбился в нее. Имя этой женщины – Анна. Это было почти с первого взгляда, хотя в первые секунды Аня мне показалась девушкой холодной и недосыгаемой, но первую встречу с ней я запомнил очень хорошо.

Это было в больнице, в палате на первом этаже. Я шел навестить друга, его положили на пару дней в больницу после приступа аппендицита, а с этим заболеванием, как известно, шутки плохи. Я зашел в палату и увидел ее. Белоснежный халат ослепил меня так же, как сегодня ослепило утреннее солнце. Я не успел даже ничего осознать, но через пару мгновений мое сердце стало биться чаще, и я, уже сам не зная, почему, попал в плен любви к этой девушке. Мы всего лишь обменялись парой слов о состоянии Алексея, я спросил давно ли она здесь работает и нравится ли ей эта работа, и закрутилось... Нет, ну как закрутилось: у меня только в сердце и закрутилось. Я приходил каждый день навещать друга, пока его не выписали, и каждый раз, оказываясь в больнице, я находил повод увидеться с Аней и поговорить о разного рода мелочах. Я звал ее в кинотеатр на показы фильмов и на пятничные танцы в молодежном клубе. Да даже на партсобрания звал! Иногда она соглашалась, но большей частью отказывалась, ссылаясь на занятость. С ее стороны не было и речи о каких-либо романтических чувствах ко мне. Но чем больше проходило времени, тем больше я понимал, что я окончательно увяз в этих отношениях. Я до бесконечности любил ее. Я был готов отдать за нее все. Даже свою жизнь.

Прошел год, и за это время мои чувства никуда не делись, они стали только сильнее. Тогда я начал осознавать, что любовь к Ане – это *та самая любовь*. То чувство, о котором я всегда мечтал, единственное, именно то самое, о ко-

тором Куприн в своем «Гранатовом браслете» писал, такое чувство, за которое и умереть не жалко, за которое и в огонь, и в воду, и в медные трубы... Я до сих пор уверен в том, что эта любовь была единственной настоящей любовью в моей жизни. Когда я был рядом с ней, я чувствовал эту любовь в себе, я буквально видел, как мои чувства влияют на мои решения в отношении ее. Я, не раздумывая, дал бы Ане все, если бы она чего-то от меня попросила, но в этом и была загвоздка. Она никогда меня ни о чем не просила. Я ей был не нужен, и я знал это. Но все равно, как какой-то умалишенный или сумасшедший, пытался добиться от нее ответных чувств. Я робко, какими-то дурацкими словами, никогда не сообщая ей прямо о своих чувствах, иногда, такое ощущение, что даже взглядом, говорил ей: «Я люблю тебя», но эти проявления моей любви к ней были не то чтобы явными, поэтому я до сих пор не знаю, поняла она или нет то, что я хотел ей высказать этим. Поняла ли она, что смысл моей жизни заключался в любви к ней, в заботе о ней, в совместном будущем именно с ней.

В любом случае наша связь была очень сильной, с моей стороны так уж точно. Я чувствовал, когда она шла по улице, ведущей к больнице, чувствовал, что вот сейчас она зайдет в больницу (а я обосновался там прочно, даже когда выписали Алексея), и она заходила, и я бросал на нее свой полный любви взгляд, а в ответ на меня смотрели спокойные, рассудительные, иногда несколько испуганные глаза. На праздни-

ки она пару раз пригласила меня в свой дом, и я приходил к ней, где мы отмечали те или иные памятные даты с общими друзьями, поэтому я знал, где она живет, и после иногда проходил мимо, не решаясь потревожить ее, не смотрел в окна, а просто проходил, пытаюсь уловить в атмосфере ее присутствие. После этого мне становилось еще хуже, но я, как баран, говорил себе, что это в последний раз, что я просто долго ее не видел, что я не буду корить себя за этот ничего не значащий проход мимо ее дома.

Она была для меня, возможно, она и есть для меня... Она была моей мечтой. Мечтой, которая так и не осуществилась.

Я молил Бога, стоя на коленях, на съемной квартире, я молил Бога в церкви возле дома, я молил Бога, находясь в святых местах, чтобы он либо убрал эту любовь из моего сердца, либо в сердце Ани он вложил то, что чувствую я. Но Господь или не слышал моих молитв, или я не так усердно молился, как мог бы. Я продолжал любить Аню, то сильнее увлекаясь ею, то слабее... Она же, если в начале наших дружеских отношений была разговорчива со мной и даже шутила, то потом начала от меня постепенно отдаляться. Мы почти не разговаривали, мы проходили мимо и не говорили друг другу ничего, она не знала, как ей вести себя со мной, я не знал, что делать мне. Совсем скоро после окончательного охлаждения каких-либо чувств с ее стороны я узнал от общих знакомых, что у нее появился молодой человек, с которым, по слухам, она уже даже стала помолвлена. В тот день я не знал, что мне

дальше делать: уйти или остаться, бороться или смириться. Я метался по комнате, как раненый зверь, я плакал и стонал от боли, однако к вечеру мои слезы высохли, а сердце перестало так безудержно болеть. Я решил не делать больше ничего в отношении Ани, поддаться судьбе и плыть от берега к берегу, как щепка в реке. Но временами моя натура давала о себе знать и не позволяла мне полностью положиться на судьбу.

Я с большим трудом, но все же обрел спокойствие. Внешнее спокойствие. Да, я не выдавал абсолютно никаких эмоций, находясь в обществе, где была она. Я старался не документировать ей своими словами, чтобы не слышать от нее это ужасающее слово: *хватит*... Я старался выжечь эту любовь из сердца, но это ли возможно? Я и сейчас ее люблю. Да, именно люблю. Буду любить. Даже если она мне каждый день говорила бы: «Хватит»...

Но не могу я себе сказать: «Хватит! Хватит любить!» Для меня это все равно, что перестать жить. Я люблю жизнь, и я знаю, что испытал эту любовь, «любовь бескорыстную, самоотверженную, не ждущую наград. Ту, про которую сказано – „сильна, как смерть“. Ту любовь, для которой совершить любой подвиг, отдать жизнь, пойти на мучение – вовсе не труд, а одна радость»³.

«Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в

³ Куприн А. И. Гранатовый браслет. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. М. Художественная литература, 1972. Гл. VIII.

мире! Никакие жизненные удобства, расчеты и компромиссы не должны ее касаться»⁴.

Моя любовь и была трагедией. Только моей трагедией. И горечь этой трагедии я испил до самого дна.

Да, ради себя, ради своего эгоизма я бы не смог умереть, но ради нее, если бы ей угрожала опасность, я бы не задумываясь бросился бы к ней, я бы помогал во всем... Но она меня не любила. Это ничего не меняет для меня, но это все меняет во мне. Я уже не тот, каким был без этой любви. Я в плену у нее. Я теряюсь во всех этих переплетениях судьбы, я не могу жить так, как раньше. Да, все в прошлом, но не любовь. Она времени не имеет. Она вечна. Если она настоящая.

Но что тогда я испытываю к Нине? Разве эти чувства нельзя также назвать любовью? Да, быть может, они не настолько страстны и экспрессивны, как мои чувства к Анне? Но с Ниной у меня были реальные чувства, а с Аней платонические ведь? Не придумал ли я себе очередной фантом в голове, которому стал поклоняться, понаставив баррикады в своей душе от всего, и в первую очередь от Бога? Как мне вообще определиться с пониманием, что такое истинная любовь?

За этими размышлениями я и не заметил, как подошел к зданию вокзала. Обыкновенный такой вокзал, в обыкновенном таком провинциальном городе. Тут и леса, и болота, и все, что нужно для разгула писательской души, или то самое место для Сусанина, только поляков сюда и заводить. А воз-

⁴ Там же.

дух какой... До войны так и сновал туда-сюда народ по улице. Многие на вид были счастливы, некоторые грустны. Собственно, жизнь она такая и есть: то радостная, то грустная. Кто-то шел просто по аллее, кто-то торопился на работу, кто-то за детьми в детские сады, школы, кто-то просто курил в сторонке, кто-то играл в мяч на площадке, кто-то стоял возле магазинной витрины, глаза на одежду или игрушки, кто-то уже был в этом самом магазине... А сейчас из гражданских практически никого. Все по домам или на работе. Ну или в земле. Тот же дом, согласитесь?

– Здравствуй! – окликнул меня мужской голос, и я обернулся на звук.

– И тебе не хворать.

– Узнал?

– Да как-то не припомню...

– Так с Калининского же.

– Мишка, ты что ли?! Какими судьбами занесло?

– Да госпиталь рядом был, я чуть подлечился и опять вот на фронт стал рваться, а тут как раз и про поезд узнал, командиру дивизии отправил: мол так и так, принимайте старого вояку назад, а куда назад то... Наши уже в земле лежат. Я тогда написал одному своему приятелю, и вот гляди-ка отправили. Говорят мне вчера: поезд завтра с утраца пойдет, успеешь подготовиться? А как не успеть-то и не поехать?! Надоела война, братишка! Ой, как надоела. Скорее бы уж закончить все это.

– Дай Бог, закончим. Скоро закончим. Так мы с тобой в одну дивизию?

– А кто их знает этих командиров... Когда на место приедем там и узнаем, кто с кем, когда и как. Ну, если судьбе угодно, бок о бок воевать будем. А ты, я смотрю, или рассеянный такой, или дружбу совсем военную не ценишь? Как не признал то?

– Ой, Миша, и ты изменился, и мысли свои в голове, вот и не признал. Не сердись на меня.

– Да энтэ я так. Можешь не переживать.

Мы не были первыми на этом вокзале. Везде стояли люди в военной форме и те, кто их провожал. Кто-то из ребят уже сидел в поезде, а на перроне в основном находились мужчины. Провожаящих женщин было мало. Они не плакали, но взгляд у них был такой пронизательный, всю войну в них можно было увидеть, всю боль... Вот она боль-то! Не только в оторванных ногах и руках на поле боя, а вот тут, в тылу, у девушки в глазах! Боль и любовь в одном этом взгляде соединились! Нет, Саша, нельзя думать. Нельзя. А то как бы эта гуманность на поле боя не проснулась. Меня назначили животным, значит, иди и убивай. Только инстинктам и следуй. А инстинкт какой? Свою землю, свою территорию защищать... Как зверь... Так если провозгласил человек себя царем природы, так зачем же он опускается ниже зверя, ниже шакала? Зачем он превращает себя в ужасное подобие... Зачем все свое человеческое отвергает? Или это и есть на-

ше человеческое? Звери и те ведут себя в некоторых случаях намного гуманнее нас. Да, они убивают, но основываясь на инстинктах. Хочется есть, хочется пить, хочется жить на солнечной стороне. А люди... Люди подчас убивают и не могут никому объяснить, зачем.

Легко дать приказ: убей. А кого убить? Такого же, как и ты, человека? Или даже нет. Например, парня лет восемнадцати только в нацистской форме. А надень он советскую форму? И тогда что же? Эх, дурацкая система. Хочу стать зверем. Чтобы не думать, а только чувствовать.

– Санек, пошли, а то на самом проходе ложиться придется!

– Да-да. Иду.

Мишка помог мне забраться в вагон, где к тому времени набралось человек пятнадцать. В принципе, могло быть и хуже, но я уже еле стоял на ногах. Этот день дался мне тяжело как в физическом, так и в психологическом смысле. Я ощущал, что меня бьет озноб, я чувствовал, что вот еще чуть-чуть и я просто упаду на этих ступеньках к вагону, поэтому мне нужно было просто лечь. И плевать, что буду в лучшем случае спать на сене, а в худшем на железном полу, и плевать, что рядом лежит только что отпущенный из больницы туберкулезный больной, и плевать, что на днях я, может быть, умру... На все плевать. Просто хотелось лечь, уснуть и долго спать. Без снов, без мыслей. Не думать ни о родных, ни об Ане, ни о Нине, ни о войне. Просто уйти

навсегда в темноту. Но Мишка... Ох, уж этот Мишка... Нашел себе какого-то приятеля и, сев рядом со мной, завел с ним разговор, а я хоть и забывался временами, но все же полностью отключиться не мог, и слушал все то, что они говорили друг другу.

– Как думаешь, доедем скоро?

– Да кто ж его знает... Смотря кто машинист, сколько угля дали, в какую точку нас конкретно отправят и когда... На все Божий промысел. Как говорится, человек полагает, а Бог располагает. Можем и за два дня до точки доехать, а можем и не пойми через сколько там появиться.

– И что же нас сразу на фронт? Насчет распределения ты не узнавал?

– Да какое там распределение... Как высшие укажут, так командиры и сделают. Пока что вот в Нерчинск, а там... Не впервой-то кажись на войне, а все про такие глупости спрашиваешь. Ты откуда родом то, не припомню тебя в наших краях раньше?

– Я деревенский, не отсюда. На юге деревня Арсеньево, не слыхал?

– Арсеньево? Так, конечно, слыхал! Тамошний паренек орден получил, видел я в ведомостях, которые в госпиталь заносили. Если верить газете, то парень этот вместе со своим подразделением один из первых ворвался в город и так боевой дух всех поднял, что город за день и отбили у нем-

цев. Так в приказе и написано: За образцовое выполнение боевых заданий награждается орденом Отечественной войны I степени.

– Ну ты брехать! Какие ведомости? В больнице иной раз и имени не спросят, а человек уже помер, а ты ведомости, ведомости...

– Вот те крест! Не лгу. Видел своими глазами газетную вырезку, и товарищ по палате, который историю про подвиг рассказал, один в один на парня из ведомостей похож был.

– А ты уверен, что он свою историю рассказывал? Мало ли сейчас самозванцев бродят? Один и вправду герой, а другой так... Пустышка.

– Зуб даю! Герой! Он и орден мне показывал! Говорил, что, когда война закончится, он немцев до Берлина погонит, все свои силы на освобождение других стран положит, а я ему на это: «Вася, ты спятил, что ль? Какие страны другие? Тут свою после победы отстраивать придется, вся в развалинах!». А он как заведенный... Спасу, говорит, всех их от фашистов поганых. А нужны мы им? Странам-то этим? Потом еще нас виноватыми и сделают... Помяни мое слово. Иль ты иначе думаешь?

– Дак сказать это всякий сможет... А вот вправду ли он за европейцев пойдет на смерть, это неизвестно...

– Нет, ты все же скажи, пойдешь энтих-то освобождать, когда со своей земли прогоним немцев?

– Партия скажет – пойду, а не скажет – мне и на моей зем-

ле работы будет много. Правду говоришь... Дома разрушены, школы также, заводов практически не осталось... Одни деревни, да села и помогают. Без них совсем бы туго пришлось. Итак паек, как для котенка, а без помощи тыла умерли бы с голоду давно... Ты семью-то имеешь?

– Да, жена и два дитяти.

– Скучаешь по ним?

– Скучаю. Хутор-то завидный... Заливные луга... А поля то... Веришь, нет, а выхожу утром из дома на поле, косить-то надо, а рожь прямо на солнце переливается, каждое зернышко видно в колоске, а ветер подует и так все это поле колышется... Как море, веришь, нет...

– Верю, братец, верю. А о себе расскажи что-нибудь.

– Да что рассказывать? Говорю же, жена и двое сыновей. Землю обрабатывали, я в город раньше на заработки ходил, семью же кормить надо, а где ты на крестьянском дворе деньги большие найдешь? Вот в рабочие и пошел. Ну, а тут и война. В первый год на фронт и ушел. Ну а после этого вот по городам и получается: из одного госпиталя в другой.

– Сложная жизнь, братец.

– И то правду говоришь, что сложная.

– А не пробовал в городе и остаться?

– Да какой там. Столько денег домой нужно было. Не заработать. Я уже в селе кое-как свое столетие и доживу, если на войне не убьют.

– Не убьют, братик. Господь не даст.

– Господа в этом деле не поминай. Не Бог начинает войну, а люди.

– Да... люди. Разобьем мы Гитлера! За Родину!

– За Родину, Мишка!

– Пригласишь что ли на подворье свое, когда победим?

– Приглашу, чего бы не пригласить. Главное немцев прогнать, а там и приглашу.

– И я тебя, друг, жду, в Арсеньево. Ты главное не забудь.

Мишка Карутин. Повтори.

– Карутин Михаил. Село-то большое?

– Да нет. Для житья само то. Это хорошо, когда все друг друга в селе знают. Помощь друг другу оказываем, когда худо кому приходится. А когда праздник на селе... Ну ты сам понимаешь! Гуляют все!

– Понятно. А десятин земли у тебя сколько?

– Да не жалуюсь. Крестьянская доля какая: работай и не спрашивай ничего. Эх, помню, с мамкой говорили, когда придут к нам деревенские на крыльцо, а я-то ей и вопросик: «Мамк, а при ком жилось-то лучше?». А она: «Да кто их разберет, правителей, вот, когда землю дали, так чуть полегче стало. Наш род всю жизнь на этой земле и трудился, а тут она совсем наша стала. А я вот в пятилетнем возрасте нянькой у помещицы работала, а в десять уже на поле надобно было являться... И работала я с раннего утра до ночи, даже мысли не было не приходиться на жатву. Мало ли языков злых, помещику доложат, а нас восемь человек детей, и все кушать хо-

тят, да и родителям помогать надо было, да. Выкручивались как-то. Так что сын, кто землю дал, тот для народу простого хорошо сделал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.